

А.В. Новиков

**ВОЗДЕЙСТВИЕ КОСТРОМСКОГО ДУХОВЕНСТВА
НА ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ
В ПЕРИОД РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ**

В кризисные периоды развития естественно обращение общества и государственной власти к объединяющей идее. Кажется бы, патриотические чувства – подходящее средство консолидации общества. Однако, как и всякое историческое явление, патриотизм исторически изменчив. 100 лет назад правительство искало пути восстановления контроля над общественными настроениями на базе активизации патриотических и религиозных чувств населения¹. Хрестоматийной стала фраза В.К. Плеве «чтобы удержать революцию, нам нужна маленькая победоносная война». Действительно, в первые месяцы русско-японской войны, властям удалось вызвать подъем патриотических настроений. Современники отмечали, что «раздутый нашим правительством патриотический интерес к войне, подогретый реакционной печатью и тысячами патриотических листов, начал захватывать все более широкие слои населения»².

Мощным инструментом воздействия на настроения в обществе являлась Русская православная церковь. С началом русско-японской войны во всех приходах по распоряжению духовного начальства проводились молебны «О здравии Государя Императора и о даровании победы Русскому христолюбивому воинству»³. Эта мера, безусловно, имела воздействие на прихожан. Однако степень такого влияния, как и распространение патриотических настроений среди разных слоев населения, отразили молебны, отслуженные по просьбе какой-либо части населения. (См. табл. 1).

¹ Фриз Г. Церковь, религия и политическая культура на закате старой России // История СССР. 1991. № 2. С. 107-118.

² Павлович М. Внешняя политика и русско-японская война // Общественное движение в России в начале XX века / Под ред. Л. Мартова, П. Маслова, А. Потресова. СПб., 1909. С. 20.

³ Государственный архив Костромской области (далее ГАКО). Ф. 133. Оп. 41. Д. 13. Л. 123.

Таблица 1. Патриотические молебны, отслуженные в Костромской епархии по просьбе прихожан в период русско-японской войны¹.

Месяц, год	Молебны, проведенные по просьбе						Всего
	органов власти	горожан	рабочих	крестьян	обществ и комитетов	служащих	
Январь 1904		1	3				4
Февраль 1904	2	8	17	4	2	3	36
Март 1904			2	7			9
Апрель 1904				2			2
Июнь 1904	1						1
Итого 1904 г.	3	9	22	13	2	3	52
Январь 1905			1				1
Февраль 1905			1		1		2
Март 1905				1			1
Май 1905				1			1
Итого 1905 г.			2	2	1		5
Всего	3	9	24	15	3	3	57

По результатам подсчетов свыше 42 % патриотических молебнов были заказаны рабочими, что соответствует тому уровню

Сост. по: Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 23. Оп. 30. Д. 53. Л. 346; ГАКО. Ф. 133. Оп. 41. Д. 13, 14; IV стол. Д. 1489; Ф. 749. Оп. 1. Д. 243.

социальной активности, которую они проявили в общественном и революционном движении начала XX в. Конечно, инициатива проведения молебнов могла принадлежать не только рабочим, но и фабрикантам. Но участие в них рабочих было искренним, на что указывает, например, продолжительность молебнов. Так, 3 февраля 1904 г. молебен на бумаготкацкой фабрике А. и Г. Горбуновых в Нерехтском уезде длился два часа и сопровождался, по свидетельству уездного исправника, исполнением гимнов и всеобщим подъемом¹. Другой факт, ярко иллюстрируемый этими данными, состоит в том, что патриотический подъем охватывал лишь первые месяцы русско-японской войны – январь-апрель 1904 г. Затем интерес к войне идет на спад. По мере поступления известий о военных неудачах, отношение населения к усилиям духовенства пропитывается нескрываемым сарказмом, который отразила одна из частушек:

Едут целые вагоны,
Православные иконы все везут,
Мы молебном запугаем, образами закидаем,
Так что враг не унесет и ног².

Представители духовного сословия имели свой взгляд на конфликт России и Японии, стремилось утвердить его в сознании своих прихожан. Они трактовали войну с Японией как борьбу «антихриста с христианством, белой расы с желтой, истиной цивилизации с азиатским варварством»³. Мессианская роль России состоит в защите христианства и «интересов всего культурного мира».

На страницах «Костромских епархиальных ведомостей», других периодических изданий приводились примеры героизма и мужества русских солдат. Однако церковь трезво оценивала противника, считая его врагом сильным и ловким, опасным и коварным, осознавала неготовность России к войне, объясняя ее стремлением погасить конфликт мирными переговорами. «Наши войска по причине необычайной дальности еще не скоро могут собраться на место войны. Надо притом сознаться, что наши неприятели располагают на море гораздо большими силами, чем мы... Есть опасность,

¹ ГАКО. Ф. 133. Оп. 41. Д. 13. Л. 51-51 об.

² ГАКО. Ф. 383. Оп. 1. Д. 56. Л. 29 об.

³ Костромские епархиальные ведомости (далее КЕВ). 1904. № 5. С. 157.

что с ними соединяться для борьбы с нами их сильные союзники, что на их сторону перейдет единоплеменное им государство с многочисленным населением». Именно поэтому, основным условием успеха в войне вся пропагандистская машина церкви называла «помощь Божию»¹. По мере неблагоприятного для русских войск хода военных действий и растущего раздражения в обществе по поводу войны, эта мысль все чаще появляется на страницах церковной печати. Церковь искала оправдания неудач русских войск, связывая их с грехами русского общества, под которыми подразумевались выступления против самодержавия: «Не видимо ли всем, что настоящая война наша есть дело Божие – испытание, посланное нам Богом с великой нравственной целью – заставить русских людей образумиться»². «Если война есть дело Божие, то грех ли нам судить и осуждать царей воюющих»³. «Если война есть дело Божие, то грех ли нам судить и осуждать царей воюющих»⁴. Церковь всячески затушевывала неблагоприятные явления военной действительности: произвол и хищение бюрократии, бездарность военачальников, частые поражения русских войск, захватнические устремления царского правительства.

Условия военного времени потребовали от церкви значительных усилий помимо пропагандистской поддержки властей. Святейший Синод, а соответственно и Костромская духовная консистория вменяли причту целую систему мер, направленных на поддержку патриотических настроений. Она включала: регламентацию церковной службы; порядок призрения раненых солдат и их семей; этику поведения пастыря в годы войны; этику поведения прихожан в военное время.

Несколько изменилась церковная служба: появились специальные моления о победе, чтение посланий Синода и поучений епископа Виссариона, служение заказных молебнов и панихид. Указом Костромской духовной консистории уполномоченные Красного Креста беспрепятственно допускались в церковь во время богослужений.

Синодом вменялось монастырям призрение раненых и сирот, изготовление для них одежды и белья. В соответствии с этим Костромская духовная консистория приказала: «1) при каждой

¹ КЕВ. 1904. № 6. С. 164.

² Там же. 1904. № 22. С. 557.

³ Там же.

⁴ Там же.

церкви открывать местные приходские попечительства по призрению осиротевших солдатских детей...2) на потребности попечительства установить...взнос по 5 руб. с причта...3) для солдат детей, обучающихся в теоретической учительской школе учредить две стипендии по 26 руб.»¹.

Регламентировалось поведение пастыря в годы войны. Священник должен был перед службой произносить назидательные речи в целях не только повышения патриотизма, но и пресечения слухов; приводить примеры доблести русских солдат; способствовать призрению сирот воинов, так как священник «хорошо знает степень нужды каждого семейства»; призывать к пожертвованиям не только словом, но и личным примером. Из Чухломского уезда корреспондент «Костромского листка» сообщал: «Во всех церквях почти каждый день служат молебны о даровании скорых побед русскому воинству. После церковных служб священники горячо призывают народ жертвовать на военные расходы и нужды раненых и больных»². Среди духовенства была распространена специфическая форма пожертвований – отказ от трапез. Это давало небольшие средства, но являло пример аскетического служения в пользу армии.

Церковь проповедовала этику поведения прихожан в военное время. Необходимо было не только посещать церковь, но и молиться о победе русского воинства дома, воздерживаться от веселья и прекратить гульбища, жертвовать на военные нужды.

С ноября 1904 г. духовенство стало высказывать надежды о мире: «Но обе воюющие державы о прекращении войны и не думают, и вожделенный мир далеко»³.

Нарастание антиправительственных настроений в обществе и несостоятельность самодержавия в решении внутренних и внешних проблем повлияло на отношение к власти даже такого консервативного сословия, как духовенство. Иных подозревали в распространении революционных прокламаций. Известен случай прямого осуждения священником самодержавия и войны. Так, в с. Красногор Ветлужского уезда в августе 1905 г. А.А. Дилigentский внушал крестьянам, «что война с Японией безумна, что дураки – солдаты, которые идут на войну, и что им следовало бы

¹ КЕВ. 1905. № 5. С. 36.

² Костромской листок. 1904. № 42. С. 3.

³ КЕВ. 1904. № 22. С. 555.

отказываться идти на войну»¹. Однако такое поведение духовенства было нетипичным.

Особо следует отметить участие Костромского духовенства в комитетах и обществах, участвующих в сборе пожертвований на военные нужды. Наряду с обычными в церковной практике сборами (в пользу местной церкви, на сооружение и украшение церквей, на вспомоществования православному духовенству, на восстановление православия на Кавказе, распространение православия среди язычников, в пользу Иерусалимской церкви св. гроба Господня и на улучшение быта православных паломников в Палестине)², с началом войны важнейшими статьями стали пожертвования в пользу Красного Креста и на усиление флота.

Сбор пожертвований в Красный Крест был строго регламентирован. Уполномоченные Красного Креста (обладавшие специальным удостоверением) фиксировали собранные суммы в квитанционных книжках, денежных книгах, подписных листах и других документах. Годовые отчеты о приходе и расходе средств рассматривались ревизионными комиссиями. О собранной сумме составлялся «акт за подписями причта и лица, уполномоченного Красным Крестом»³. Полученные средства каждые два месяца представлялись в духовную консисторию для отправки в Синод.

Пожертвования в Красный Крест были значительными (88 % приходилось на февраль-апрель 1904 г.)⁴. Но в дальнейшем поступления в пользу воюющих сокращаются. Наибольшая сумма была собрана в марте – середине апреля 1904 г. – 15914,5 руб., что составило 18 % от общей суммы пожертвований в годы войны, а в июне 1905 г. – 676,73 руб., что составило 0,8 % от общей суммы⁵.

Духовенство Костромской губернии непосредственно участвовало в создании Кинешемского комитета Красного Креста. При отделениях Красного Креста создавались дамские комитеты или кружки. Основной их функцией была кройка и шитье белья и одежды для солдат на Дальнем Востоке, предметы госпитального назначения для лазаретов из материалов либо пожертвованных местными жителями, либо закупленными на собранные средства. Статус дамских комитетов был неодинаков. Так, это могли быть

ГАКО. Ф. 120. Оп. 3. Д. 510. Л. 1.

РГИА. Ф. 801. Оп. 1. Д. 1003.

КЕВ. 1904. № 5. С. 52.

ГАКО. Ф. 133. Оп. 41. Д. 13; IV стол. Д. 1489.

Подсчитано по: КЕВ. 1904.

структурные подразделения при местных комитетах Красного Креста, либо они совмещали функции дамского комитета и Красного Креста (например, в городах Буге и Ветлуге).

Само название говорит о составе дамских комитетов: на добровольных началах в них работали жены видных губернских и уездных чиновников, почетных горожан, купцов, мещан, крестьян. Их возглавляли в основном родственницы представителей управленческого аппарата, жены священников. Например, дамский комитет при Костромском отделении Красного Креста возглавляла супруга губернатора М.Н. Князева. В с. Одоевском Кинешемского уезда по инициативе жены священника С.Ф. Лебедева и жены дьякона А.Я. Промтова был организован женский кружок. С.Ф. Лебедев призывал крестьян жертвовать материал для кружка¹.

Наиболее активной деятельностью дамских комитетов была в период патриотического подъема начала войны. В Ветлуге два дамских комитета постоянно соперничали друг с другом², но к концу войны энтузиазм стал угасать. Корреспондент из Макарьева в «Костромском листке» от 8 сентября 1904 г. сообщал: «Никто почти не ходит на работы, нет ни денег, ни материалов»³.

В феврале 1904 г. на заседании Костромской духовной консистории был заслушан рапорт одного из благочинных епархии, в котором он сообщал, что «некоторые прихожане, жертвуя на раненых и больных воинов, предлагают также пожертвования и на усиление флота и очень огорчаются отказом в приеме их приношений»⁴. Для этого был организован специальный комитет фонда усиления военного флота, действующего под председательством Государя Наследника. Динамика пожертвований на нужды флота еще более точно отразила разочарование прихожан в войне: 90 % приходилось на февраль-апрель 1904 г. Причем, если на этом этапе средств на содержание флота поступило примерно на 30 % больше, чем на Красный Крест, то в последующие месяцы соотношение стало обратным. Это свидетельствует о том, что надежды населения на победу русской армии таяли, и на первый план выходила забота о жертвах этой войны.

¹ КЕВ. 1904. № 10. С. 249.

² Костромской листок. 1904. № 40. С. 3.

³ Там же. № 100. С. 3.

⁴ КЕВ. 1904. № 9. С. 107.

Священники принимали активное участие в деятельности других благотворительных организаций. Попечительное общество о доме трудолюбия и об Ольгинском детском приюте с началом войны решило расширить свою деятельность и учредить 5 марта особый комитет для сбора пожертвований на нужды войны. В состав общества вошли губернские чиновники – Е.Е. Известков (действительный статский советник), И.Т. Масловский (действительный статский советник), А.А. Мейнгарт (статский советник), И.И. Преображенский (коллежский секретарь), Н.А. Ростовский (коллежский асессор), Г.Н. Ботников (городской голова), предприниматели И.Я. Аристов, Н.К. Кашин, Г.К. Горбунов, И.М. Чумаков, губернатор Л.М. Князев и его жена, вице-губернатор С.И. Бирюков, а также епископ Костромской и Галичский Виссарион и др.¹.

Динамика заказных молебнов и пожертвований, проводимых в ходе войны убедительно доказывает, что подъем патриотических настроений сменился раздражением общества военными неудачами русской армии. В начале войны вся мощь церковной организации была подключена к обеспечению благоприятного общественного мнения в отношении политики самодержавной власти. Церковные структуры приняли активное участие в создании и обеспечении деятельности обществ и комитетов по содействию действующей армии и флоту. Однако отношение самого духовенства к войне было неоднозначным, осознавалась неготовность России к войне, звучали трезвые оценки силы противника, по мере войны это отношение менялось не в лучшую сторону. Военные поражения привели к срыву усилий власти по установлению контроля над общественными настроениями накануне первой русской революции. «Наши военные неудачи, столь оскорбительные для национального самолюбия, стали фатально привлекать внимание даже индифферентных к общественным вопросам людей»².

¹ Отчет о деятельности попечительного общества о доме трудолюбия в г. Костроме за 1904 г. Кострома, 1905. С. 3.

² Павлович М. Указ. соч. С. 20.